

ИЖС
ДИНОР
ГОРАШК
ФРАИ

КНИГА ОДИНОЧЕСТВ

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 Книга одиночеств / Макс Фрай, Линор Горалик. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 256 с. — (Миры Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-982676-7

Эта книга была написана много лет назад под влиянием короткого текста Линор Горалик про Ахиллеса и Черепаху. Без текста Линор этой книги не было бы, поэтому у нее два автора, достаточно одиноких, чтобы не услышать друг друга, чтобы не быть услышанными никогда.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-982676-7

© Макс Фрай, текст
© Линор Горалик, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие

Книгу об одиночестве невозможно написать вдвоем.

Понятно почему: какое уж тут одиночество, если вдруг встретились два пешехода (один, как известно, шел из пункта А в пункт Бэ со скоростью 4 километра в час, а второй из пункта Цэ в пункт Дэ добирался вприпрыжку, со скоростью, стало быть, семь километров в час, никак не меньше). Местом их встречи может стать всякая точка, хоть двусмысленная Е, хоть обитающий в самом конце иноземного алфавита загадочный Икс. Как бы ни именовалась она, всякому юному математику ясно: в этой точке одиночество пешеходов заканчивается, и начинается их *сосуществование*, со всеми вытекающими последствиями.

Но книга об одиночестве может быть написана только вдвоем. Иначе — не получается.

Не игры в парадоксы ради делаю я такое признание; просто это — правда. Только рядом с другим человеческим существом и можно нащарить впотьмах вертлявую границу собственного существа, сказать себе: вот, здесь заканчиваюсь я, и начинается кто-то

другой. Приподняться на цыпочки, заглянуть в чужие глаза и тут же отпрянуть, отвернуться, потому что там, дальше, — заповедная территория. Нас туда и рады бы пустить, да невозможно воспользоваться таким гостеприимством. Хаживали, знаем.

Что именно писать об одиночестве — тоже неясно.

Теоретически, я понимаю, что одиночество — ужас и мýка, без наркоза вынести его невыносимо, да и под наркозом — едва-едва выжить получится.

А на деле вечно выходит, что если и мучаюсь я, то от нехватки одиночества, от его, скажем так, технического несовершенства: даже в разлуке мы всегда недостаточно далеки друг от друга. Дыхание любимых существ опалает мне затылок: все слишком близко, сколько бы километров, лет, стекол и стен ни разделяло нас.

Что мне действительно по плечу, так это рекламную брошюру о преимуществах одиночества создать. Но сие, мягко говоря, противоречит замыслу.

Проще, казалось бы, махнуть рукой на книги, одиночество и тем более книги об одиночестве. Зачем мне такие сложности? В мире полно других интересных вещей — взять хотя бы покой и волю. В сочетании с хорошим чаем, удобным креслом и, скажем, карманными нардами поразительный дают эффект, говорят.

Но так уж все устроено, что молчать об одиночестве нельзя. О чем еще и говорить, о чем писать и читать человеческому существу, обретающемуся в центре циклона между рождением и смертью? События эти почти тождественны: два шага в сторону абсолютного одиночества. Или даже один семимильный шаг, кото-

Книга Одиночеств

рый нам, созданиям от природы неуклюжим и медлительным, приходится совершать в два этапа.

И вот выходит, как ни крути, а все невозможно: молчать нельзя и писать нельзя, а если и можно, то лишь в полном одиночестве, но при этом непременно вдвоем. Сказочный герой, которому велели отправиться *не знаю куда и принести неведомо что*, — и тот находился в лучшем положении.

Но: *я был хитер, я придумал хитрость*, — как сказал бы на моем месте Паучок Ананси.

Хитрость была вот такая: попросить написать книгу об одиночестве Линор Горалик. Она, в отличие от меня, умеет складывать слова таким образом, что хоть волком вой, хоть ложись и умирай, потому что — немыслимо ведь жить, когда такая сладкая мұка. Мы договорились: Линор напишет об одиночестве, а я посвящу эту книгу людям, без которых мое одиночество было бы немыслимо.

И вот вам результат: у этой книги не два автора. А один и еще один. Каждый — сам по себе. Между нами пропасть бесконечной, ни к чему не обязывающей любви — то ли друг к другу, то ли к иным существам, то ли к собственному одиночеству.

Макс Фрай

Макс Фрай

Эта книга посвящается Л.

*После встречи с нею мне стало окончательно ясно,
что я знаю всего два способа любить человека.*

Первый способ — безмерно радоваться всякий раз, когда я вижу человека. И почти совсем не вспоминать о нем, когда его не вижу.

Второй способ — вообще не видеть почти никогда (или вовсе без «почти» обойдемся), но помнить, что есть, теоретически говоря, такой человек. И землю целовать за то, что такое существо по этой земле где-то ходит.

В обоих случаях мне, понятно, ничего от объекта любви не нужно. В том числе взаимности (когда она есть — это просто дополнительное удовольствие).

Нечего и говорить, что иные способы любления ближних представляются мне почти дикостью.

Ну, мы, извращенные натуры, вообще редко бываем толерантны к большинству.

Эта книга посвящается Ларочке,

*которая позвонила мне в четыре часа утра,
в самую долгую из декабрьских ночей, пьяная
в жопищу, нежная.*

— Где же ты, — говорит, — шляешься?

А я что, я так, по мелочам, мы за хлебом в «Седьмой континент», в Строгино катались, милое дело...

— Мы, — говорит, — когда в последний раз виделись?

— Ну, — говорю, — неделю назад... А что?

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы! Бу-у-у-у-у! — смеется и как бы всхлипывает. — В августе мы виделись! В августе. Я вот думала, почему ты не звонишь? Вот, напилась для храбрости, сама звоню...

И я холодею.

Потому что — да, действительно в августе. А по внутренним моим ощущениям — неделю назад. Тоже мне, разлука. Можно еще несколько таких же «недель» не видеться. И — ничего. Потому что люди, которых я люблю, — они каким-то образом живут во мне, и мне хорошо с ними. И мне по дурости представляется, что и я в них тоже как-то живу, ползаю нежной чужеродной штуковинкой по артериям, отравляю кровь, скапливаюсь на стенках сосудов. Всем,

как мне кажется, от таких простых и понятных процессов хорошо.

Но.

В море есть остров, на острове — гора, на горе — дуб, на дубу сидит свинья, в свинячьих потрохах — утка, в утке — яйцо, в яйце — микроб, у микроба под язычком — шкатулка, а в шкатулке — САМОЕ ДЕЛО.

Так вот, на САМОМ ДЕЛЕ все не так, конечно.

На самом деле я тварь негодная (такими словами ругал свои видения на закате всякого запоя Витька Сальников, бывший таможенник и коллекционер антиквариата, старинный мой дружок — жив ли сейчас? — неведомо, и пес с ним).

На самом деле у меня короткая память и каменное сердце, тяжелый взгляд и легкие ноги кошки-хромоножки, которая гуляла сама по себе, а в героини сказки Киплинга записала дуру кухню, когда пришло время — выкрутилась как-то, словом.

Меня, в общем, не надо бы любить. Дурное это дело. В качестве объекта любви я существо сомнительное, ненадежное и малопривлекательное. Было бы из-за чего рвать сердце в клочья, а жопу на фашистский крест. «Ы-ы-ы-ы, бу-у-у-у-у!»

Но вот, любят меня зачем-то чужие, в сущности, но прекрасные люди. Сижу, штопаю теперь свое сердце (не перепутать бы с чужой жопой).

И горло перехватывает от нежности, как в детстве от говяжьей печенки, которую я ненавижу. Потому что кровь — она не для того, чтобы ее в жареном виде жрать. Ее пить надо. Свежую. И только из любимых.

Эта книга посвящается
моему другу-amigo,

*который однажды вынудил меня признаться,
что я — из тех распятых, чьи призраки селятся
под потолком в помещении судмедэкспертизы,
суют дохтуру свои вериги: «Дохтур, это ж
не кровь, да? Это ж кетчуп».*

— Да какой кетчуп? — бурчит похмельный дохтур. —
Самая что ни на есть кровь.

— Не кетчуп? — не унимается призрак. — Ну, зна-
чит, клюквенный сок...

А сам мертвый-мертвый, и завтра рано вставать,
потому что воскресать позовут.

Макс Фрай

Эта книга посвящается Бине,

*с которой мы сокрушались о нелегкой доле
и тщетном труде пророков.*

Вообще пророки кажутся мне совсем удивительными людьми. Не понимаю, как у них в голове все устроено. Ну вот, положим, я знаю, что на небе есть Аллах. А народ мой не знает про Аллаха. Я искренне полагаю, что это проблемы народа и (возможно) Аллаха.

Ну, если народ вдруг придет ко мне домой и станет про Аллаха спрашивать, я тогда, конечно, чаю налью и все скажу как есть. Зачем врать?

Но он, понятно, не придет. И не спросит. Чтобы сформулировать вопрос, нужно хотя бы умозрительно представлять себе варианты ответов. Поэтому никто ни о чем таком не спросит. И я ничего никому не скажу. Не потому что тайна, просто — зачем зря языком молоть?

Пророком мне точно не бывать.

И это хорошая новость.

Эта книга посвящается Оксане,

большой души, широких плеч и пестрой биографии даме. В частности, ей даже довелось побывать замужем в деревне. И поработать в свинарнике.

Оксана рассказывала, как выгоняла поутру свиней на плановую opravку и громко, внятно говорила им: «Срать, срать, срать, срать, срать...»

И так полчаса примерно.

В исполнении Оксаны слово это звучало не хуже мантры какой: монотонно, раскатисто. До костей пробирало. И на свиней действовало должным образом, если верить ее рассказам.

Иногда мне кажется, что некий ангел небесный, которого ангельская судьба забросила в глухую заоблачную деревню и определила приглядывать за нами, говорит нам нечто в таком же роде. А мы-то, глупые, визионерствуем. Голоса, блин, улавливаем. Тайные знаки видим везде, даже смысл их вроде бы прозреваем. В то время как лишь одна полезная для здоровья команда достигает наших ушей: «Срать, срать, срать!»

Кто не спрятался, я не виноват.

Макс Фрай

Эта книга посвящается
соседу Сереже,

*который первым рассказал мне о воспитании
спартанских мальчиков, даже знаменитую
историю с лисом пересказать не поленился.*

С тех пор мне всегда казалось, что нужно держать себя в руках. Как бы ни обстояли дела, клеить на морду умопомрачительный смайл: дескать, все путем. Потому что — кому какое дело? Ну и вообще, некошерно это — распускаться.

Теперь вот думаю: может, это неправильно? Если уж злобный зверь грызет твои внутренности, нужно орать, реветь, визжать, звать на подмогу, а не зубами скрежетать.

Спартанские мальчики, как известно, добром не кончают. Скверный пример для подражания.

Другое дело, что этих злобных, невидимых, прожорливых тварей ни на шаг к себе подпускать не следует. Но этому высокому искусству я пока только учусь. Вот выучусь ли — бог весть.

Эта книга посвящается
семье Савчуков,

*с которыми мне пришлось делить коммунальную
плиту в середине восьмидесятых годов минувшего
столетия.*

В нашей коммунальной квартире семейство Савчуков занимало две большие смежные комнаты. Муж Витя, жена Люда и две дочки, погодки. Все невысокие, плотные (не толстые, а коренастые), круглолицые и симпатичные. Этакие хоббиты. Техническая интеллигенция, советский средний класс.

Мне они казались аналогом семейства Стоговых из школьного учебника английского языка. Май фазер из инженер, май мазер из тича, ви хэв э кэт. Примерно так все и было, только у Савчуков фазер был тичером (преподавал в каком-то институте), а мазер, напротив, инженер. «Э кэт» тоже имелся. Рыжий, кастрированный. В коммунальный коридор его не выпускали, и правильно делали. Дочки учились в престижной английской школе (попали туда не по блату, а по месту жительства, так уж повезло) и были там отличницами на зависть «блатным» одноклассникам.

Все у них было как у людей. Почти идеально. В кухне готовилась вкусная еда (холодильник закрывался на специальный навесной замочек), в уборной